

«НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ...»: СТРУКТУРА ПИТАНИЯ СОВЕТСКОГО УЧЕНОГО В 1920-е гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ БЮДЖЕТНОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ 1925 г.)¹

В статье рассматривается структура питания и ежедневное меню научных работников. Источником для изучения потребления ученых стали первичные материалы бюджетного обследования, проведенного секцией научных работников совместно с органами ЦСУ в 1925 г. Питание наиболее полно характеризует уровень и образ жизни, историческое своеобразие момента времени и существующие в обществе проблемы. Бюджетная статистика 1920-х гг. частично позволяет реконструировать повседневное меню, но нуждается в иллюстрации нарративными источниками для получения более полной картины.

Ключевые слова: питание, бюджетное обследование, 1925 год, научные работники, СССР, выборка, уровень жизни.

Питание – наиболее информативная структура повседневности, которая свидетельствует о времени, месте и обществе, национальных традициях, культуре и моделях потребления. В традиционном обществе национальная кухня выступает важной частью культуры народа, отражая особенности производства и потребления продуктов питания. Развитие рынка способствовало социально-экономической диверсификации потребления по вертикали (сословия/классы) и горизонтали (город/село) при одновременном заимствовании и интернационализации традиций питания.

Реконструировать структуру питания позволяет бюджетная статистика. Первоначально объектом бюджетных обследований были крестьянские хозяйства; в начале XX в. в зоне внимания статистических органов оказались рабочие-горожане. В 1920-е гг. бюджетные обследования приобрели систематический характер, исследуя условия жизни, доходы и расходы различных категорий населения [Чайнов, 1929].

В 1925 г. ЦСУ по инициативе Секции научных работников организовало бюджетное обследование ученых. Всего были собраны сведения о 300 домохозяйствах из 16 городов – Ленинграда и Москвы (по 50 семей), Харькова, Киева, Минска, Одессы, Ташкента, Казани,

¹ Тема поддержана грантом РФФ, проект №20-78-10095-П «Советская наука как индустрия: кадры, инфраструктура, организационно-управленческие практики (1920–1970-е гг.)»

Перми, Воронежа, Новочеркасска, Ростова, Томска, Симферополя, Краснодара и Баку. В выборку вошли семьи научных работников, по основному месту работы занятых в вузах или научных учреждениях – академических институтах, ведомственных НИИ, научных библиотеках, архивах и музеях.

Исследование проводилось методом опроса, в ходе которого регистраторами заполнялся опросный бланк «Обследование бюджетов», в соответствии с программой фиксируя сведения о семье, доходах и расходах, потреблении, жилищных условиях. Помимо основного бланка, на семью заполнялись сводная форма № 1 «Состав денежных и натуральных поступлений и расходов бюджетного месяца», Листок питания, а также сельскохозяйственный бланк, если имелся земельный надел под огород или полевое хозяйство. Опросные бланки с первичной информацией сохранились в архиве [ГАРФ, ф. р-5462, оп. 7, д. 397–412] и послужили основой для создания базы данных [Свидетельство..., 2022].

Бытовые практики нашли в бюджетных обследованиях частичное отражение. Полнее всего представлено питание – важнейшая структура повседневности, которая связана с приготовлением и потреблением пищи, а в некоторых случаях – и производством продуктов питания (огород, разведение скота и птицы).

Примерно в половине семейных бюджетов сохранились Листы питания, где ежедневно в весовых и стоимостных единицах фиксировалось потребление продуктов. Кроме того, в основном бланке в разделе Б «Пища, напитки и наркотики» (поступление и расход муки, хлеба, крупы, картофеля и т. д., всего 71 наименование) отмечались сведения об основных продуктах питания (поступление и расход). Особый интерес представляет информация п. 29 основного бланка «Довольствие членов семьи» (где питается в течение недели; типичный завтрак, обед и ужин), которая позволяет реконструировать ежедневное меню обследуемых семей, детализируя статистические данные.

Научные работники в годы Гражданской войны оказались на грани выживания. Только в 1919 г. были предприняты первые шаги по улучшению их материального положения, а с 1921 г. благодаря Комиссии по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ) стали решаться вопросы обеспечения ученых жильем, продуктами и предметами первой необходимости. Для наиболее ценных научных работников были введены академические пайки, способствуя расслоению ученых и оформлению элиты.

24 января 1921 г. В. Ленин подписал постановление Совнаркома «Об условиях, обеспечивающих научную работу академика

И. П. Павлова и его сотрудников» [Об условиях..., 1921]. В нем предусматривался комплекс мер, направленных на обеспечение работы физиологического центра под руководством И. П. Павлова. Комиссии по рабочему снабжению поручалось предоставить И. П. Павлову и его жене *специальный паек, равный по калорийности двум академическим пайкам* (курсив мой. – Л. М.), а Петросовету – обеспечить профессора И. П. Павлова и его жену пожизненным пользованием занимаемой ими квартирой и обставить ее и лабораторию академика Павлова с максимальными удобствами (п. 3–4).

Таковы были представления о высоком уровне потребления. Их можно проиллюстрировать цитатой из «Собачьего сердца» М. Булгакова, где красочно описан обед профессора Преображенского:

«На разрисованных райскими цветами тарелках с черною широкой каймой лежала тонкими ломтиками нарезанная семга, маринованные угри. На тяжелой доске кусок сыру в слезах, и в серебряной кадучке, обложенной снегом, – икра. Меж тарелками несколько тоненьких рюмочек и три хрустальных графинчика с разноцветными водками. ...Посредине комнаты – тяжелый, как гробница, стол, накрытый белой скатертью, а на нем два прибора, салфетки, свернутые в виде папских тиар, и три темных бутылки. Зина внесла серебряное крытое блюдо, в котором что-то ворчало. Запах от блюда шел такой, что рот пса немедленно заполнился жидкой слюной. “Сады Семирамиды!”, – подумал он и застучал, как палкой, по паркету хвостом.» [Булгаков, 1925].

В сохранившихся дневниковых записях ученых картина питания совсем другая. В частности, в дневнике проф. А. Орешникова этому вопросу уделяется большое внимание. Частота упоминаний еды в контексте получения или потребления подчеркивает глубину социального кризиса и масштаб продовольственной проблемы. В какой-то момент (1918–1919 гг.) угроза голода становится вполне реальной и почти каждый день профессор описывает практики получения и потребления продуктов питания. После введения академических пайков и с началом нэпа эмоциональная напряженность продовольственного дискурса снижается и к 1924 г. постепенно превращается в разновидность заметок по поводу праздничного или гостевого угощения.

Из дневника А. Орешникова [Дневник...]:

30 ноября (17 ноября) 1918 г.

«Голод дает себя чувствовать. Провизии нет. В Музее было заседание продовольственного характера; удадутся ли наши начинания? Дров тоже нет, топлю досками».

20 мая 1921 г.

«С трудом дошел домой от слабости и боли в левой руке; по-видимому, плохое питание дает себя знать: едим за обедом одно блюдо, провианта достать трудно».

10 июля 1921 г.

«В 12 ч. пришел С. В. Прохоров и позвал меня к себе обедать; ел по времени роскошный обед: суп из свинины, жареную свинину с картофелем и к супу пирожки. Дома мы уже давно едим только одно блюдо, хлеба нет, кое-кто дает из милосердия».

19 января 1922 г.

«К обеду пришла М. Н. Клеопина, принесла прекрасного печенья, американского сахара, сгущенных сливок, чаю; после обеда сварили кофе ради принесенных сливок. До чего мы дожили! Еда необычного характера – уже событие».

7 сентября 1923 г.

«В Музее было заседание ученой коллегии; принята, пока сверхштатно, М. В. Кафка-Будылина. В 4-м часу отправился с Л. В. в Кубу¹ обедать; обед стоил 60 миллионов (щи с мясом и говядина с картофелем)...».

Приведенные выше дневниковые записи за 1918–1921 гг. фиксируют ситуацию полуголодного существования семьи профессора-историка. О голоде и постоянной заботе о «хлебе насущном» пишет в своих воспоминаниях другой известный историк – Ю. В. Готье:

21 апреля 1919 г.

«...Чтения и заботы о еде – обеде и ужине и о том, хорош ли выйдет хлеб, который Нина [жена Ю.В. Готье] сама печет; таковы занятия профессорской семьи, проводящей Пасху у Троицы в 1919 г.» [Готье, 1997, с. 279].

С началом нэпа режим питания нормализуется, чему способствовало получение академического пайка, оживление торговли, а также международная помощь через представительства АРА². Улучшение структуры питания актуализирует вопросы сервировки стола, превращая физиологический акт потребления продуктов питания в трапезу.

Из дневника А. Орешникова:

«9 февраля (27 января) 1925 г.

В 8-м часу отправился к Д. Д. Иванову; в крохотной его комнатке был накрыт стол с прекрасной посудой и столовым бельем. ... Угощали обильно: слоеный пирог с икрой, тетерька холодная, лепешки с шампиньонами горячие, сладкий торт, вино красное» [Дневник...].

Пережитый кризис прочитывается в описании изобильного праздничного стола, украшенного хорошей посудой и столовым

¹ Т. е. в столовую при ЦЕКУБУ.

² АРА – American Relief Administration – американская организация, действовавшая в 1919–1923 гг. Наиболее известна своим участием в оказании помощи Советской России в ликвидации голода 1921–1923 гг.

бельем. В обычный день все это великолепие пряталось в шкафы до следующего праздника.

Материалы бюджетного обследования 1925 г. отражают ситуацию перехода от кризисной модели потребления, ориентированной на удовлетворение витальных потребностей, к постепенной нормализации структуры питания. Это видно по расходам, где преобладают траты на питание. В среднем они составляли 80,93 руб. (36,5 % всех расходов); далее следовали расходы на одежду, обувь и туалетные принадлежности – 46,34 руб. (20,9%); и жилье – 26,63 руб. (12,0%). Затраты на удовлетворение культурно-просветительских нужд (книги, журналы, лекции, обучение, театры и развлечения) не превышали в среднем 16,72 руб. (7,5 %)³.

Ранжирование расходов по отдельным статьям позволяет судить о приоритетах потребления: больше половины бюджета (69,4%) ушло на удовлетворение потребностей в продуктах питания, а также одежде и жилье; 15,9% составили затраты на общественно-политические и культурно-просветительские цели; 11,6% бюджета шли на практики, которые можно рассматривать как маневренный фонд, предназначенный для единовременных платежей, но прежде всего для компенсации недостатка оперативных средств, т. е. позволял «свети концы с концами».

Приоритет первичных жизненных потребностей оставался характерной чертой потребительского поведения на протяжении всего периода нэпа и строительства социализма в 1930-е гг., отголоском социальной катастрофы, которую переживала страна в 1918–1922 гг. Стадия выхода из катастрофы характеризуется увеличением расходов на удовлетворение базовых потребностей, в первую очередь на питание и восстановление базового докризисного уровня потребления. Заключительная стадия перехода непосредственно связана с восстановлением экономики и социальной инфраструктуры общества и формированием с учетом имеющейся ресурсной базы новых стандартов потребления.

Доля расходов на питание непосредственно зависела от доходов ученых:

- Для семей с низким душевым доходом они составили 63,21 руб., около половины семей (45,5 %) тратили на питание от 30 до 60 руб., а 16,4 % – свыше 90 руб.

- В семьях со средним душевым доходом (от 30 до 60 руб.) на питание в среднем уходило из бюджета 79,08 руб., в том числе 46, 7% семей отдавали за продукты от 60 до 90 руб., и 30,3 % – свыше 90 руб.

³ Здесь и далее, если отсутствуют ссылки, приведенные показатели рассчитаны на основе созданной базы данных.

• Семьи с высоким душевым доходом (от 60 до 90 руб.) тратили в среднем на питание 94,89 руб., а около половины семей (46,3 %) – более 90 руб.

• Семьи с доходом выше 90 руб. на члена семьи платили за питание в среднем 95,46 руб.; а треть семей (33,4 %) от 30 до 90 руб.

Для оценки потребительской способности рубля приведем цены 1924 г. на основные продукты питания: фунт масла стоил 69 коп., фунт сахара – 28,5 коп., рыба – 15 коп., пуд ржаной муки – 1 руб. 15 коп. [Шальнев, 2011, с. 617–621].

Таким образом, заметные отличия в структуре питания наблюдаются между высокодоходными категориями ученых, с одной стороны, и средне-, низкодоходными категориями семей, с другой. А. А. Канчев отмечал, что потребление мясопродуктов, сахара и сладостей, чая и кофе были в 2–3 раза выше в высокодоходной группе в сравнении с низкодоходной [Канчев, 1925, с. 126–127].

Несмотря на улучшение структуры питания ученых, к 1925 г. ассортимент и количество потребляемых ими продуктов (мясо, молоко, рыба, овощи и фрукты) оставались недостаточными и отличались от рациональных норм (табл. 1).

Таблица 1.

*Потребление продуктов питания в РСФСР различными группами населения в 1925 г. (кг на одного чел. в месяц)**

Продукты питания	Крестьяне ⁴	Рабочие ⁵	Служащие	Научные работники	Рациональные нормы
Хлебо-продукты	24,9	22,33	14,0	19,39	8,0
Картофель	13,2	8,47	Нет св.	Нет св.	7,5
Овощи, бахчевые	4,1	10,64	Нет св.	9,82	11,7
Фрукты		0,22	Нет св.	1,78	8,3
Мясо и мясо-продукты	1,0	4,19	4,1	7,99	6,1
Молоко-продукты	11,8	9,11	Нет св.	14,10	27,1
Яйца, шт.	2,7	1,49	Нет св.	1,84	21,7

⁴ Приведены данные потребления продуктов питания крестьян в 1923/1924 гг.

⁵ Приведены данные по СССР на май 1924 г.

Продукты питания	Крестьяне ⁴	Рабочие ⁵	Служащие	Научные работники	Рациональные нормы
Рыба и рыбопродукты	Нет св.	0,66	Нет св.	1,58	1,8
Сахар и кондитерские изделия	0,1	1,68	1,12	2,98	3,04
Чай, кофе, какао, шоколад	Нет св.	0,07	Нет св.	0,14	Нет св.
Масло раст.	0,2	0,41	0,17	1,47	1,0

*Составлено по: [Статистический справочник..., 1927, с. 129, 322–323; Канчеев, 1925; Кабо, 1926, с. 170–172; Советская жизнь..., 2003; Рекомендации..., 2016].

Питание семей ученых и по объемам, и по структуре в сравнении с другими социальными группами было лучше. Объяснение этому факту лежит в области как экономических, так и внеэкономических факторов. Прежде всего, следует вспомнить о росте доходов преподавателей и профессоров в 1923–1925 гг., средние показатели которого были выше, чем у рабочих. К внеэкономическим факторам стоит отнести культуру потребления. В частности, кофе в рабочей и крестьянской среде не пользовался особой популярностью.

Обращает на себя внимание относительно невысокий удельный вес расходов на алкогольные напитки: в зависимости от города – от 0,15 до 0,49 золотых рубля в среднем за месяц [Канчеев, 1925, с. 126–127]. Всего расходы на спиртные напитки отмечены в 27,3% семейных бюджетов. Денежные траты на табак и папиросы зафиксированы в 77,6% семей.

Общий объем потребляемой пищи зависел от физиологических потребностей человека, а структура питания и ассортимент продуктов формировались, исходя из источников их поступления, т.е. реальных возможностей семьи удовлетворить свои потребности. К ним относилась городская торговля; кроме того, продукты поступали в семью в виде натуральной оплаты или в форме продуктовых кредитов от ЦЕКУБУ. В отчетах региональных секций научных работников часто звучит рассказ о продуктовой помощи ученым от АРА:

«Изголодавшиеся и всячески измученные воронежские ученые, перебивавшиеся с грехом пополам на щедедушном пайке, существенно

состоявшем из жмыхов, пшеница и воблы, получили неожиданно такие, давно вышедшие из обихода продукты, как настоящий чай, какао, мясные консервы и т. п., и кроме того, по отрезу шерстяной ткани на костюмы – и все это почти даром, «почти», т. к. Кубу решила не раздавать совсем даром, а собрать все-таки хоть небольшую сумму для дальнейших операций» [Беззубцев, 1926, с. 92].

Для семей, имевших полевое хозяйство, важную роль играл этот источник поступления продуктов питания – молока, мяса, птицы, овощей.

Опираясь на материалы бюджетного обследования, можно реконструировать типичное меню семьи ученого:

- завтрак: чай, хлеб, яйца;
- обед: суп с мясом, каша/ картофель, хлеб (как правило из 2-х блюд, не всегда с мясом);
- ужин: остатки обеда, чай, молоко, хлеб, масло.

В столичных городах, даже при наличии достаточно высоких доходов, ежедневное меню ученых оставалось достаточно скромным. Так, например, профессор филологии МГУ, глава семьи из шести человек с доходом 733 руб. в месяц только изредка мог позволить себе мясо [ГАРФ, ф. Р-5462, оп. 7, д. 406, л. 106–112об]. Преподаватель Ленинградского технологического института, глава семьи из пяти человек с совокупным доходом 149 руб. в месяц обычно завтракал кофе с ситным хлебом; на обед ел суп, кашу, яйца; на ужин – чай с хлебом [ГАРФ, ф. Р-5462, оп. 7, д. 405, л. 38–44об].

В провинции структура потребления была несколько иной, отличаясь от столичной в лучшую сторону. Так, например, ежедневное меню профессора Донского университета с семьей из пяти человек и доходом 403 руб. в месяц включало: на завтрак – чай, кофе, рыба, редис, масло сливочное, конфеты; на обед – борщ с мясом, баранину или говядину, жаркое с картошкой, молоко; на ужин – масло, яйца, чай [ГАРФ, ф. Р-5462, оп. 7, д. 409, л. 205–223об]. Меню преподавателя Ветеринарного института в Казани с общим месячным доходом в 50 рублей было более скромным: завтрак – чай с хлебом; на обед – постный суп или каша; на ужин – чай с молоком и хлебом. В комментариях к данному бюджету отмечено:

«Обследуемое хозяйство, как по данным обследования, так и с внешней стороны, производит впечатление хозяйства, принадлежащего не научному работнику, а скорее хозяйства, принадлежащего человеку “бьющемуся из-за куса хлеба”. Но не оставляющего свою научную деятельность, которая теми же условиями быта и материального положения работника не в малой мере усложняется и даже тормозится. Неудобство

в квартирном отношении, отсутствие отдельного для занятий кабинета, приспособленного для работы, скудность обстановки и стола – все здесь налицо, продают вещи» [ГАРФ, ф. Р-5462, оп. 7, д. 401, л. 101–105об, 232–238об. (бюджет 16)].

Меню, как для семей с высокими, так и с низкими доходами, свидетельствует о непропорциональной структуре питания: доля углеводов превышала 60 %, в то время как удельный вес мяса, рыбы, молочных продуктов (белков) оставался незначительным. Такой баланс характерен для традиционного крестьянского рациона, а также для ситуации продовольственного кризиса. Ф. Бродель при описании крестьянского стола отмечал: «Есть – это значит потреблять хлеб и снова хлеб (или каши)» [Бродель, 1986, с. 146]. Показательно, что хлеб в раннесоветском обществе оставался главным продуктом питания, а в условиях нормированного снабжения – первоочередным объектом распределения, обеспечивая необходимый уровень потребления в калориях.

Кроме хлеба, к *обычным* продуктам повседневного спроса относились картофель, яйца, молоко, сливочное масло. Мясо, рыба, сахар, кофе в середине 1920-х гг. были роскошью для большинства населения страны, в том числе ученых.

Анализируя режим питания ученых, нужно подчеркнуть еще один момент – значимость домашней кухни. По материалам бюджетов, в 1920-е гг. ученые питались главным образом дома, пользование услугами столовых было эпизодическим и не оказывало существенного влияния на общую структуру потребления. В материалах обследования расходы на оплату обедов в столовых зафиксированы в 67 семьях (23,7 %), только «домашнее питание» отмечено в 215 семьях (76,3 %).

Кроме того, ученые могли «столоваться» у знакомых, т. е. обедать за плату в других семьях. Таких клиентов обычно называли «нахлебниками». В материалах бюджетного исследования 1925 г. 9 семей (3,2 %) получали доход от платных обедов в размере от 5 до 60 руб., а в составе 5,7 % семей отмечены нахлебники.

Альтернативой домашним обедам были столовые. Дешевые столовые для ученых организовывались ЦЕКУБУ и региональными секциями научных работников не только в столицах – Москве и Ленинграде, но и в Киеве, Одессе, Екатеринославле и других университетских городах [Тайцлин, 1925, с. 195].

В Одессе столовая работала при Доме ученых, и первые четыре года секция научных работников получала ежегодную дотацию на содержание столовой от Американской секции Европейской студенческой помощи. В 1924 г. столовая была переведена на самокупае-

мость. Число посетителей достигало в зимние месяцы до 200 человек в день, в летние 130–150, 24 научным работникам обеды отпускались бесплатно и 18 чел. – за половину стоимости [И. Т., 1926, с. 69].

В Днепропетровске столовая была организована в 1924 г. также при участии Американской секции, что давало возможность поддерживать низкую плату за обеды и выдавать большое количество бесплатных обедов. В 1926 г. столовая отпускала 4 200 обедов в месяц. Стоимость обедов для членов секции составляла 45 коп. за три блюда [Президиум бюро..., 1926, с. 75–76].

В материалах бюджетного обследования 1925 г. в 67 семьях отмечены расходы на обеды в столовой, треть из них проживала в Москве и Ленинграде, 35,8 % – в украинских городах Киеве, Харькова, Одессе, 26,9 % – в провинциальных городах РСФСР, и три семьи – в Ташкенте.

Таким образом, для ученых в исследуемый период формируется сеть предприятий общественного питания, хотя домашнее питание и оставалось основным. Оно и определяло структуру потребления.

Подводя итог гастрономическому обзору, отметим – питание наиболее полно характеризует уровень и образ жизни, историческое своеобразие момента времени и существующие в обществе проблемы. Кроме того, оно во многом определяет режим и культуру потребления. В научной литературе традиционно преобладает количественный подход к изучению проблем питания, ориентированный на оценку пищевой ценности (калорийности) потребленных продуктов. Но с позиций повседневности более значимым аспектом изучения питания выступает характеристика кухни, рецептов блюд, праздничные и обыденные меню, режим питания. Бюджетная статистика 1920-х гг. частично позволяет воспроизвести этот сюжет, но нуждается в иллюстрации нарративными источниками для получения более полной картины.

Зафиксированное в бюджетах повседневное питание свидетельствует о диверсификации потребления и выделении элитарной, переходной и нормализованной модели в соответствии с новыми советскими стандартами потребления. Разнообразие порождает вопрос о необходимом и излишнем (роскоши) – основе социальной дифференциации. Бедняки могут позволить себе только самое необходимое, состоятельные люди – разнообразие, богатые всегда славились причудами, предпочитая редкости и эксклюзив [Бродель, 1986]. Таковы законы потребления.

Беззубцев Н. В воронежском отделении Секции научных работников // Научный работник. 1926. № 5–6. С. 90–97.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: в 3 т. / пер. Л. Е. Куббеля. М.: Прогресс, 1986. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное.

Булгаков М. А. Собачье сердце [1925]. URL: <http://public-library.ru/Bulgakov.Mikhail/sobachye.html> (дата обращения: 25.02.2023).

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5462. Центральные комитеты профессиональных союзов работников просвещения, высшей школы и научных учреждений.

Готье Ю. В. Мои заметки. М.: ТЕРРА, 1997.

Дневник А. Орешникова // Прожито.ру. URL: <https://prozhito.org/notes?date=%221918-01-01%22&diaryTypes=%5B1%2C2%5D&keywords=%5B%22%D0%9E%D1%80%D0%B5%D1%88%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B2%22%5D> (дата обращения: 12.01.2024).

И. Т. Одесская секция научных работников // Научный работник. 1926. № 12. С. 67–71.

Кабо Е. Питание русского рабочего до и после войны: По статистическим материалам 1908–1924 гг. М.: Вопросы труда. 1926.

Канчеев А. А. Бюджетное обследование научных работников // Научный работник. 1925. № 3. С. 112–130.

Об условиях, обеспечивающих научную работу академика И. П. Павлова и его сотрудников»: декрет СНК РСФСР от 24 января 1921 г. // Консультант Плюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=30E7D49C8008F095C46F4621136EF278&SORTTYPE=0&BASENODE=41-8&ts=ewRcFHTVMY ZWG9C&base=ESU&n=9276&rnd=SCILhA#1vdJfHTjNsWFpiQ8> (дата обращения 25.02.2024).

Президиум бюро. Секция научных работников в Днепропетровске // Научный работник. 1926. № 12. С. 75–76.

Рекомендации по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания, утв. Приказом Минздрава РФ от 19 августа 2016 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420374878> (дата обращения: 13.08.2024).

Советская жизнь. 1945–1953 гг. : сб. док. М.: РОССПЭН, 2003

Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2022620352. Российская Федерация. Бюджетное обследование научных работников СССР. 1925 г.: № 2022620085: заявл. 19.01.2022; опубли. 28.02.2022 / Л. Н. Мазур, Е. А. Долгова; заявитель: ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет».

Статистический справочник СССР. 1927. М.: ЦСУ СССР, 1927.

Тайцлин И. Работа Секции на местах // Научный работник. 1925. № 1. С. 195–202.

Чаянов А. В. Бюджетные обследования: история и методы. М.: Изд-во «Новый агроном», 1929.

Шальнев Е. В. Проблема денежного обеспечения научных работников Советского государства в 1920–1930-х гг. // Изв. ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2011. № 23. С. 617–621.